

МИСС М

ПРОЩАЙ,
МОЁ ВСЁ,

Мисс М

Прощай, моё всё

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390412

ISBN 9785448531439

Аннотация

Молодой человек после многих тягостей в своей жизни попадает к психиатру и начинает свой рассказ. Он философствует, затрагивает вопросы психологии и мировоззрения, повествуя о том, кто такие Мир и Судьба, и как они ведут себя в разных жизненных ситуациях с героем. В повести раскрываются проблемы взаимоотношений в обществе, проблемы воспитания, общая картина Мира и своего Я, и, конечно же, проблемы любви, доверия и предательства. Эту историю отличает свой собственный стиль, созданный автором.

Содержание

I	6
II	17
III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Прощай, моё всё

Мисс М

Редактор Твой И

Корректор Алексей Леснянский

© Мисс М, 2018

ISBN 978-5-4485-3143-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
– Почему я здесь? Дайте-ка подумать...

В размышлениях я медленно обвел светлую комнату своим скромным взором и хотел было тихо продолжить, но вместо этого произнес:

– Вас это не раздражает? Ну вот это. Это самое.

Господи, взываю к тебе, неужели никто этого не слышит? Ну вот же. Вот оно... Тик... Так... Тик... Так... Противно, не правда ли? Эти остигатные фигур-, заведенного до предела болванчика-, разве не наводят вас на мысль о развитии клаустрофобии-, во время пребывания в этом замкнутом пространстве? Разве вам всем не надоело быть частью чего-то большого, но настолько ничтожно маленького, поклоняясь лишь двум богам: Тик, Так.

– Знаете, я только что пришел к выводу, что я атеист... –
Неловкая пауза берет свое начало с моих застенчиво закатанных глаз. – А? Вас все еще интересует ответ на Ваш вопрос?

Да что же неймется Вашей душе... Я здесь, потому что могу, но Вас ведь вечно это не устраивает.

Ладно, давайте так: все началось в тот момент...

I

...когда я осознал свою профнепригодность в этом мире. Меня неправильно учили, и с каждым годом я все больше в этом убеждался. За все годы обучения в различных учебных заведениях-, мои талантливейшие и наиумнейшие педагоги не смогли научить меня нужным для социума вещам. Я не умею лгать, я не умею болтать без умолку, я не научился изменять любимым людям, и-, самое главное, -я не научился продавать и продаваться. Всё, ради чего я жил, изначально было обычной иллюзией, но это не значит, что я не пытался это исправить. Сделав над собой усилие, я позволил демонам лжи, жадности и похоти сливаться с моим телом и творить все, что им будет угодно, потому что знал: сегодня принято делать людям больно.

Но раз за разом я понимал, что больнее всего приходится мне. Я-, со слезами на глазах-, руками прижимал уши к голове, дабы не слышать более стоны и крики невинных, обманутых и истерзанных мною людей. Но всегда было слишком поздно... Я слишком поздно начинал осознавать, что натворил, в то время как моим демонам всегда было мало. Мне становилось ясно, на какую жертву я иду, но цена, казалось, слишком велика.

Общество меня, наконец, приняло, и я чувствовал, что не совсем потерял и мое добродушие еще может кануть

в небытие, позволив мне заслужить еще большее уважение. Я начал гордиться длиной своего мужского достоинства, количеством половых партнеров и измен жене, количеством выигранных в покер денег и украденным из стаканов с мелочью. Все это казалось безумно забавным и интересным, ведь я наконец заслужил уважение среди своих, как мне на тот момент казалось, друзей. И был счастлив. Правда, призрачно...

Через несколько лет я лишился всего, что у меня было, в том числе и осознания того, как все отлично. Виной тому стала одна единственная партия в покер, когда мои «друзья», сговорившись, обобрали меня до нитки. Я кричал, что желаю еще одну партию-, и готов поставить на кон красавицу-жену, но в ответ они просто смеялись: «Ты давно ее проиграл».

Я пытался найти утешения у развязных женщин, но и они ушли от меня, не найдя ни копейки в кармане. Все, что у меня было, в один миг рухнуло. А я ведь всего-то желал быть как все... Мне хотелось, чтобы мир принял меня, после того-, как я приму его. Но вся моя жизнь была обманом с самого начала. Мир никогда никого не принимает, но, вместо того-, чтобы смириться с этим, мы раз за разом пытаемся что-то ему доказать. Но он не услышит нас, это просто консервативное смешение эмоций, настроенное на отрицание любых версий бытия духовных ценностей.

И только тогда, когда смог это осознать, я понял, что гар-

монии с Миром мне не достичь в любом случае. Но я могу достичь гармонии с самим собой, если приложу достаточно сил. Услыхав это, мои демоны тотчас же отреклись от меня и исчезли в поисках новой жертвы. Я же продолжил духовное самобичевание.

Как-то утром, подойдя к зеркалу, я в очередной раз взглянул на свои разлохмаченные черные волосы и проклюнувшиеся рыжие корни. До тех пор, пока я не стал частью общества, я был индивидуален с рождения, как того и желала моя мать. Она тоже всегда учила меня, что индивидуальность – это не плохо, а замечательно, но козни сверстников заставляли меня думать обратное.

Недолго думая, я взял машинку и состриг все волосы почти до основания. Я слышал, так делают люди, желающие начать жизнь заново. Все, что нужно людям для новой жизни, – это отрезать часть себя. Возможно, эту логику преследуют люди, меняющие пол.

Волос на голове у меня жесткий, колючий. Ну ничего, привыкну. Зато расчесывать не надо. Конечно, то, что я лишил себя волос добровольно, – не искупит моих грехов. Но тот факт, что я что-то с себя сбросил, – явно облегчил мне жизнь.

Пока я одевался, в мою голову лезли всякие аналитические мысли. Люблю анализировать, знаете ли. Все мои одежды – это свитер, подаренный женой, брюки с первого собеседования и кожаные туфли. И я начал размышлять о том,

насколько часто мы окружаем себя символизмом, не подозревая об этом. Свитер – как символ заботы, любви и тепла. Брюки – как символ успешности, карьеры и социального статуса. А туфли – символ богатства, роскоши и благополучия. Тем самым мы сами держим себя в прошлом, замыкая на себе узы беспомощности все крепче и крепче.

– Ты посмотри! Прямо в обуви тут шмыгает! Я же только помыла! – все ворчала угрюмая бабулька-соседка лет так эдак восьмидесяти.

– Это коридор, логично, что здесь все ходят в обуви, – равнодушно пробормотал я, зажимая в зубах позавчерашний окурок.

– Ах ты скотина такая! Ах ты неблагодарный! Ишь чаво удумал: умничать! – визжала бабка, размахивая шваброй.

Хлоп! И бабулька оказалась по другую сторону двери. В коммуналке все одна дружная семья? Что-то не чувствуется...

– Извините, сигаретки не найдется? Нет? Извините...

Хотя мне ли жаловаться на семью... Или вообще судить, что такое семья. Я где-то слышал, что семья —, это когда друг друга любят, ценят и уважают. Интересно, как это? В детстве я хорошо это знал... Наверное...

По крайней мере, у меня никогда не было желания усомниться в словах моей матушки... Несмотря на то, что я плохо находил общий язык со сверстниками, я не переставал чувствовать и любить... Когда меня дразнили рыжим коро-

тышкой (хотя сейчас на рост я не жалуясь), я мог и слова не сказать в ответ, но, если вдруг кто-то решал оскорбить мою мать-, – бросался в бой не задумываясь. Конечно, я всегда был один и толпа одноклассников нещадно пинала меня и возила по грязи, оставляя меня там и зная, что я пережевываю собственную кровь с песком. Интересно, какой вкус у любви теперь?

Шаркая по улицам едва ли проснувшегося города, я проходил мимо модных магазинов и боялся к ним поворачиваться. Нет не потому, что я завидую людям, которые могут приобретать трендовые одежды. Я боюсь поворачивать к ним голову, потому что не желаю видеть своего отражения. Может, для всего мира я и не настолько ужасен, но вы ведь знаете это чувство, когда смотришь на свое отражение и понимаешь, насколько противен и насколько сильно меняется твой образ в зависимости от того, в какое зеркало ты смотришь. В витринах магазинов – самый страшный образ. Он показывает, насколько ты низок, гонясь за тысячами шелковых нитей, запутанных в виде того, что можно надеть на себя. Никто даже не представляет, насколько опасен поворот в сторону манекенов, ведь ты сразу становишься его отражением. Он хочет видеть себя на месте вашего тела, а вы хотите быть на его месте, обмениваясь энергетикой и даже не думая о том, кто от этого страдает больше. В итоге вам хочется все это купить, вы проходите мимо друг друга, рассматривая снизу вверх всех, кто вам понравился, оборачиваетесь вслед

и даже не думаете о том, что вы все – просто красиво одетые манекены-, – отрада для глаз друг друга.

Один из таких манекенов попался мне на улице, в переулке. Одета она была как типичный подросток, но на вид ей едва ли можно было дать меньше двадцати. Сидя на бордюре в темно – синих джинсах, она спряталась от мира под желтым капюшоном своей пайты, разрешив носочкам своих кед встретиться.

– Тебе хоть восемнадцать есть, что ты пиво пьешь? – спросил я, нелепо подсаживаясь. В двадцать пять лет мои коленки, хрустя, словно говорили: «Стар ты уже для посиделок с подростками на бордюре».

– Мне двадцать два. – ответила та, сделав глоток из жестяной банки.

– Это что, дреды? – спросил я, рассматривая, как эти длинные черные толстые пряди выбираются из-под тесного капюшона.

Девушка резким движением скинула его и сделала еще глоток, всем своим видом спрашивая: «Теперь видно?»

– Мне все время кажется, что все плохо... – грустным тоном начала девушка. – Я все время занята какими-то полезными делами, но стоит мне на секунду остановиться и посмотреть на все со стороны, как вдруг до меня доходит, насколько я несчастна и насколько мне грустно. Я в меланхолии, чудик, понимаешь? – девушка опустила голову. – Я очень долго думаю, от чего это может быть, но никак не могу

понять, в чем дело... У меня есть семья, друзья, любимый человек... Наверное, я просто прифигела...

Такой вывод со стороны девушки ввел меня в небольшой ступор. Давненько я не встречал самокритиков женского пола...

– Почему ко мне вечно цепляется всякая шваль? – выдала она довольно резким тоном, не сводя глаз с мертвой точки созерцания.

– С чего ты взяла, что я шваль? – оскорбился я, хотя в моем тоне этого было не заметить. Я в принципе флегматичен, за исключением некоторых ситуаций.

– Посмотри, как ты одет. Приличные люди так не ходят, – констатировала она.

Громко сербнув пивом, продолжила:

– Наверняка ты когда-то был очень успешным человеком: семья, друзья... А потом пуф-ф – всё рухнуло, – прожестикублировала девушка, разведя руками и повернувшись ко мне. – Я права?

– У меня что, на лбу это написано? – поинтересовался я. – Может, я в детском доме вырос и с рождения так бедно выгляжу.

Сёрб, сёрб...

Я вздохнул.

– Ладно, ты права, так все и было. Но потом богатство и алчность перетянули меня на сторону беззаботности и зла. Пил самые горячие напитки и имел самых горячих женщин.

Я даже жену в покер проиграл.

– Все ясно. Просто ты конченный, – умозаклучила та.

– Само собой, – покачал головой я.

– Ты знаешь, кто такой конченный? Это человек, от которого нечего больше ждать. Мир вздохнул с облегчением, потому что ты кончился, – девушка смяла одной рукой жестяную банку, а затем швырнула ее в переулочок.

– Адъёс! – встала та и, отряхнувшись, ушла прочь.

Я... кончился... К такому выводу я еще не приходил...

– Дядя, вы не видели мой мячик? – подбежал ко мне маленький мальчуган...

Странно, но на секунду я увидел в нем себя. Такой же рыжий, кудрявый, маленький, беззащитный, в ярком комбинезоне и синих башмачках...

Я поднялся, отряхнулся и решил уйти прочь, отвернувшись.

– Нет, не видел, малой, – равнодушно ответил я, засунув руки в задние карманы.

– Ну почему никто не хочет со мной играть? Почему никто меня не любит? – заныл тот.

Я повернулся к нему:

– Послушай, мало... – Но его на месте не оказалось. Я прошелся взглядом по переулочку. – Хм... шустрый малый... – И снова повернулся обратно.

– Поиграем? – подпрыгнул тот к моему лицу.

Испугавшись, я сделал шаг назад:

– Мама не учила тебя, что нельзя пугать взрослых дядей?

Вдруг из-за спины послышался стук резинового советского мяча. Я обернулся, увидев тот самый мяч из моего детства.

– Мячик нашелся! – воскликнул мальчик и, подняв руки, побежал к нему навстречу, не видя ничего на своем пути, в том числе и меня. Я думал, столкновения не миновать, но тут произошло нечто более пугающее: мальчик пробежал сквозь меня, радостно визжа и размахивая руками. Каждым кровавым тельцем я почувствовал, как его сущность проходит через мою, принося то ли вред, то ли наслаждение.

Не оборачиваясь, я в ужасе побежал куда глаза глядят, лишь мимолетом ориентируясь, в какой стороне находится коммуналка. Я бежал и не оглядывался, задыхаясь от собственной паники и мыслей, пытаюсь себя успокоить хоть как-то.

Так, у меня просто разыгралась фантазия... Надо вспомнить, что бы сказала в этот момент моя матушка, если бы я ей рассказал.

Я закрыл глаза и представил светлый лик матери, которая гладит меня по голове. Она сказала бы: «Сынок, у тебя просто разыгралась фантазия»... Я открыл глаза. Черт, не сработало!

– Смотри, куда несешься, придурок! – орал на меня едва успевший затормозить водитель новенького авто.

А я лишь не оглядываясь несся навстречу уже родной за-

шарпанной двери подъезда. Быстро забежал на свой этаж и побежал по коридору, отворив с размаху дверь, которую я, к счастью, забыл закрыть. Захлопнув ее за собой, я прыгнул на колени, проехавшись по старому полу навстречу подоконнику, на котором стояла икона, и суетливо навзрыд шептал:

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи!.. Помилуй, Господи... Помилуй... Господи... – и шептал я так, пока не сполз на пол навзничь и не потерял сознание от испуга и голода.

– Понимаешь, милый...

– Матушка...

– Мне нельзя было любить...

– Мамочка...

– Потому я все потеряла...

– Мама...

– Работа была такая...

Удар в дверь!

– Еще раз пройдешь по коридору в грязной обуви – сам вылизывать будешь! – послышался приглушенный голос бабки за моей дверью.

– Угу... – протер я глаза, отойдя ото сна.

Пахнет очень вкусно... Что это?

– И чтоб твои наркоманы не ходили к тебе больше! – еще тише был голос моющей пол бабки. Заняться ей, что ли, нечем...

Наркоманы... какие еще нарко...

Мой взгляд наткнулся на одноразовую тарелку с едой. Я уже и не помню, что там было. Помню только, что умял это за милую душу.

II

– Чувак, я всегда так радуюсь, когда тебе нравится моя стряпня! – прозвучал из-за спины гнусавый голос.

Я дернулся и обернулся:

– Фу ты! Напугал! – с набитым ртом пробурчал я. – Опять ты в этой дурацкой шапке...

Мой друг оскорбился и поправил это разноцветное нечто, из-под которого свисали искусственные косички.

– Она не дурацкая! Это олицетворение моего внутреннего мира! – прогнусавил тот.

Мой друг довольно высокого роста. В этот день, помимо яркой вязаной разноцветной шапочки, на нем были джинсы, которые ему немного великоваты, разноцветная майка и шлепки, хотя на улице еще явно не май.

Я дожевал вкуснейшую в мире еду и поблагодарил своего друга. Общаемся мы не так давно, но он всегда приходит на помощь, хоть я и не прошу. Наверное, ему меня просто жаль, хотя не уверен, что дружба и жалость – понятия совместимые. Я его как-то от хулиганов на улице спас, втащил по морде всем троим. С тех пор и знакомы.

– До сих пор торгуешь травкой? – поинтересовался я, вставая с пола.

Мой друг сидел на подоконнике, болтая одной ногой, тактично отодвинув икону в угол.

– Но-но-но, чувак, – жестикулировал он, подняв правую ладонь. – Это не просто травка. Это – вход в другой мир. Мир спокойствия, любви и Джа... – словно под неслышимый мне ритм покачивался мой друг.

Насколько я знаю, у него тоже нет близких друзей, как и у меня: он одинок и никем не любим. Но при этом он всегда в каком-то позитивном и умиротворенном состоянии, желая творить добро и пропагандировать мирную жизнь.

– Жену твою видел, – выдал он.

Оу...

– И как она? – оживился я.

– Ну... – тот почесал нос, – насколько я знаю – счастлива.

Я вздохнул с облегчением.

– Наши с ней общие знакомые рассказали мне, как все было, чувак. Короче. Ты, когда, ну это... проиграл, она досталась мужику нормальному, который ее отпустил сразу. Денег дал в придачу, на работу помог устроиться. Словом, пожалел беднягу, что ей так досталось. Она воспитательницей в детском садике работает вроде и еще где-то. Так вот, там себе мужа и нашла. Теперь может жить – не тужить. Такие дела.

Я обрадовался, ведь думал, что сломал ей жизнь. Я много раз задумывался о том, почему такой прекрасной девушке достался такой гад, как я. Неужели она сделала что-то страшное в своей жизни, что я стал ее наказанием? Но нет... оказывается, своим поступком я ее спас и теперь она может вздохнуть спокойно и легко.

– Друг мой... – начал я. – Сколько лет назад я потерял ее?

Тот почесал свою макушку через шапку и прогнусавил:

– Так это... года два назад, – тот осмотрелся. – А бомжуешь – год примерно.

– Меньше, – скупно выдавил я.

Комнатка моя была совсем небольшой: кровать на пружинах, тумбочка, шкаф да окно напротив двери. Стоит она совсем немного, дом вот-вот развалится, но, пока я могу здесь жить, – буду. Потом придумаю что-нибудь еще, но мои сбережения с прошлой шикарной жизни подходят к концу. Мне срочно нужно искать работу.

– Какое, говорите, у вас образование? Экономическое? – спросил меня мужик на собеседовании.

– Верно, – ответил я.

– По вашему виду не сказал бы.

– У меня... сейчас трудный период в жизни...

– Ну что же... придете, когда все наладится, – наигранно улыбнулся тот и швырнул резюме в мою сторону.

Я ехал домой в электричке и не был ничуть расстроен. Когда ведешь такой образ жизни, начинаешь понимать истинную суть дел и перестаешь тешить себя призрачными идеалами и надеждами. Но лучше я буду пробовать, чем опущу руки и буду жить с мыслью, что и не пытался. Для человека, потерявшего всех и вся в один миг, я слишком быстро с этим смирился. «Наверное, мне свойственен реализм», – подумал я и сильнее взялся за поручень.

– Почему ты не играешь со мной? – подскочил на своем сидении рыжий мальчик.

– Черт побери... – от испуга я схватился за грудь. – Почему ты преследуешь меня? – спросил я, глядя исподлобья.

– Я хочу играть, – тонким голосом ответил тот.

– Если ты и дальше будешь меня так пугать, то играть будет не с кем! – закричал я.

– Мужчина, вы в порядке? Все хорошо? – вмешалась женщина, сидящая рядом. – Почему вы кричите?

– Женщина, не лезьте! Этот ребенок всюду ходит за мной!

На меня обратило внимание еще большее количество людей.

– Какой ребенок? – спросила она тоном, полным изумления. – Сидение свободно, лучше бы присели, если плохо себя чувствуете.

Рыжий мальчик очень громко смеялся и болтал ножками, стуча своими башмачками по корпусу под сидением. Через его смех я едва ли слышал голос приставучей мадам: «Мужчина, вы в порядке? Мужчина?»

– Да... Да, в порядке, – отвечал я неуверенным тоном, отворачиваясь от мальчишки, но не сводя с него глаз.

– Играть, хочу играть! – кричал мальчик на весь вагон и хихикал.

Я уткнулся в мертвую точку закрытых дверей и чувствовал, как пульсирует мой стеклянный взор. Это фантазия, просто фантазия...

«Просто ты конченный!» – мелькнула в голове фраза вчерашней девушки. Мир вздохнул с облегчением, потому что от меня больше нечего ждать, ибо я кончился... Что ж, я вздохнул вместе с ним.

Помню, как я, имея девушек, делал с ними все, чего мне хотелось, и даже больше. Я позволял себе любые проявления непристойности и жестокости, которые только можно было себе представить, а в конце просто швырял в них горсткой купюр и захлопывал за собой дверь. Мне нравилась эта жизнь. И что самое ужасное – как только я отдавал деньги, я чувствовал, что им больше ничего не должен. словно эти рельефные бумаги как-то помогут им забыть мои издевательства и успокоят их, когда посреди ночи они проснутся от ночных кошмаров, вспоминая, заперлись ли они изнутри.

Я помню, как курил все запретные и самые опасные смеси, погружаясь все глубже и глубже в страну удивительных возможностей, где ты можешь быть предоставлен своим мыслям снова и снова. Как вдыхал белоснежный порошок и мог не спать сутками, работая, играя, выигрывая, танцуя, рискуя...

Все еще помню запах шикарного одеколона, насквозь пропитанных рубашек, висевших в моем шкафу, и помню запах дорогих парфюмов очаровательных продажных женщин, вешавшихся на меня от входа и до самого выхода.

Помню, как катал их по ночному городу, сигналиая и крича вслед глупым людишкам, врубая на всю громкость музыку

с басами, порой совсем забывая о том, что руки мои должны быть на руле, а не на телах искусительниц, наклонявшихся все ниже.

Мне даже уже и не вспомнить, на чем в моей работе я так поднялся... Но затем везение, покер, автоматы, и я стал самой модной плесенью на этой помойке. Я имел всех, кого мне хотелось, но я так и не поимел Фортуну, которая, в свою очередь, устала смотреть на то, как я ею пользуюсь, и поимела меня сама. Но едва ли жестче, чем мои вкусы.

«Милый? Что это значит?» – вспоминаю я тонкий голосок моей возлюбленной. Она дрожала и оглядывалась, как загнанная в угол лань, наблюдая за ехидными улыбками моих друзей.

«Милый?..»

– Мужчина, вы выходите? – обратилась ко мне женщина.

– А? Да, выхожу... – я сошел вниз.

– Рыжий пацан, говоришь? Чувак, а как поточнее он выглядит? – мой друг купил нам по банке пива, и мы сели во дворе, скрытом в чаще домов.

– Да как я, только маленький совсем. Лет пять на вид. Рыжий, кудрявый... – я отпил немного пива.

– И он всюду с тобой?

– Нет, не всюду. Но он возникает из ниоткуда и исчезает.

– Чувак, ты учил физику в школе? «Ничто не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда», – с выражением загнул савил мой друг, размахивая указательным пальцем.

– Вряд ли его вообще можно подставить хоть под один закон физики, – я отпил еще.

– Чувачок, может, это какие-то твои внутренние страхи вызывают к тебе? Ну, типа преследуют тебя из прошлой жизни? – закачался тот.

– Что ж я —, совсем двинулся, что ли? – поднял брови я. Легкий весенний ветерок трепал дредозаменители, свисающие из-под разноцветной шапки моего друга, находя себе разочарование в моей обритой голове. Конец марта, скоро все будет цвести и пахнуть, но меня это абсолютно не беспокоит. Такое чувство, что вот уже год весь мир живет в своем ритме, а для меня время будто остановилось. Я словно застрял в какой-то временной воронке, прыгая изо дня в день в одно и то же утро.

Я хотел было еще глотнуть пива, но отвел банку от своих губ, задумавшись.

– Скажи, друг... – начал я. – ...А почему ты все еще со мной? Я ведь самый низкий человек на планете, и я отдал бы все ради того, чтобы сейчас речь шла о росте... Помню, я спас тебе жизнь, но, по-моему, ты уже достаточно сделал для меня, чего только твоя стряпня стоит.

Мой собеседник достал из куртки наверняка не так давно скрученную сигарету и, прикурив и смачно затянувшись, начал говорить:

– Великий Джа учит нас любить. Великий Джа учит нас помогать слабым и наслаждаться моментами радости. Вели-

кий Джа учит нас отставлять в сторону ссоры и плохие воспоминания. – Затем он поднял руки к небу. – Любите друг друга!

Единственным подавшим реакцию был проезжающий мимо велосипедист, посигналивший полуигрушечным звоночком.

– Джа смотрит на тебя, брат! – махал ему вслед мой друг и улыбался.

М-да, была бы у меня возможность курить косяки каждый день, я бы, наверное, тоже принял растафарианство и любил бы всех и вся.

– Он смотрит и на тебя, чувак, – продолжил мой друг. – Он ждет, что ты будешь творить добрые дела, и тогда он тебя примет.

– То есть ты считаешь, что на свете нет Мира, который должен тебя принять? Есть Джа?

– Мир есть, от этого никуда не скрыться. Просто ты в наказание был послан за свои грехи в рабство, страдать под гнетом Вавилона. Когда ты исправишь все свои ошибки, жди прихода Джа, который освободит тебя и уведет в рай на земле, и будешь ты счастлив и любим, – произнес он гнусавым голосом и затянул сигарету.

– Но как мне исправить свои ошибки? Я уже давно пережил и потерял все, что могло бы помочь восстановить руины некогда разрушенных мною замков. Получается, что твой Джа не всех спасает, а значит, он не Бог. Или он очень же-

стокий Бог, потому что ему плевать на то, что у некоторых нет возможности исправиться. И что, они вечно будут сгибаться под натиском Вавилона, страдая и рыдая?

– Чувак... – тот снова затянулся. – Я и не думал об этом. Выходит, что Джа выбирает достойных.

– А как стать достойным, если он не дает тебе шанса им стать? Если он не дает тебе шанса исправиться?

Хотя, если так подумать, то, даже если бы я встретил этого парня раньше, я бы все равно не послушал его философию и не исправил всех своих грехов, ведь думал, что грех – это страшилка на ночь для маленьких мальчиков и девочек, которых учили правильно себя вести в приличном обществе. Я, скорее всего, послал бы его ко всем чертям или оставил бы в своей компании в виде дружка-болванчика.

Индульгенция – единственное, что на тот момент заставляло меня увлекаться эпохой Возрождения. Я швырял деньги направо и налево тем, кого обидел, и моя душа, как мне казалось, становилась чиста. Даже если бы я всерьез взялся за ум, я бы все равно никак не смог повернуть все вспять и не заставлять людей испытывать ту боль, которая доставляла мне такое удовольствие.

– Чувак... Я буду думать, – гнусавый швырнул окурок под лавку.

– Ты в курсе, что чувак – это кастрированный баран?

III

– Привет. Я не знаю, что обычно говорят в таких случаях... Наверное, что-то вроде «прости». Только вот я понимаю, что сотни моих «прости» не излечат тебя от моих гнусных поступков. Ты терпела все мои измены, пьяные скандалы. Не знаю, может, я даже руку на тебя поднимал, я не помню... Представляешь, я не помню... Но прекрасно помню, как отравлял тебе жизнь своим существованием и наказывал тебя им снова и снова. Хотя какой толк от того, что я все это помню, ведь это никак меня не корит. Ты, наверное, и подумать не могла, что я стану таким бесчувственным и бездушным, ведь ты искренне любила меня. Наверное, в обмен на все богатства и веселья я отдал свою душу, сам того не ведая, и вот действие договора закончилось, и я остался ни с чем. Мне довелось потерять самого дорогого для меня человека – тебя. И самое страшное, что я этого не понимал. Мне каждый раз казалось, что ты все еще где-то там, любишь и ждешь меня, чтобы принять в свои объятия, спрятать от этого мира и навсегда исцелить. Ведь ты всегда это делала, просто я не обращал на это внимание. Знай, что я всегда буду плестись у твоих ног, и знай, что я каждый день думаю о тебе. Поверь, раскаиваюсь больше, чем кто-либо на этой планете, но это все равно ничего не изменит. Ты живешь где-то там, и ты счастлива, а я буду просто тихонько за этим на-

блюдать, высматривая силуэты в твоих окнах, и верить, что ушел из твоей жизни не зря...

– Ну как?

– Чувак, я бы тебя послал, – ответил мой друг, закуривая очередной косяк, сидя на лавочке уже стемневшей улицы.

– М-да. Я бы тоже себя послал, – ответил я, подняв голову в беспросветное небо. – Но это же просто раскаяние, как ты мне посоветовал.

Собеседник затянулся хорошенечко, закрыл глаза, запрокинул голову назад и медленно выдохнул.

– Ты просидел с кислой миной несколько часов подряд, прежде чем что-то произнести. Ты все это время думал над этой речью?

– Я просто представил, что сказал бы ей при встрече...

– Зачем представлять, если можно сказать лично? Чувак, ты такие красивые речи говоришь, Джа бы заценил.

Я усмехнулся и наклонил голову:

– Не выдумывай. Подойти к ней будет еще больше ошибкой, чем все мои поступки. Ей хорошо жить без меня, я хочу, чтобы так было и дальше. И пусть твой Джа оценит мою жертвенность.

Конечно, от жертвенности тут одно только слово. Я ничем не жертвую, потому что у меня ничего и нет. Говорят ведь, что все плохие деяния возвращаются. Не то чтобы я в них верил... но на моем примере можно убедиться в силе... как вы это называете? Судьба? Кхэм, в силе судьбы. Слово-то

какое, ух... Прямо мурашки по коже.

– Ты только погляди на это небо, – снова заговорил я. – Оно такое темное и беспросветное, прямо как мы сами. Сегодня оно наше самое изящное и правдивое отражение. В каждом из нас есть целый космос, миллиарды и миллиарды звезд, но сегодня... Сегодня они все скрыты за пеленой производственных отходов, таких как грусть, жестокость, разочарование... Их можно перечислять очень долго, но самый большой, вредный и самый густой производственный отход – это страх. Страх быть отвергнутым, страх быть не таким, как все, страх смотреть на свое отражение... Мы все день ото дня чего-то боимся, и это превращает нас самих в одну сплошную серую мглу, – я все сильнее и пристальнее вглядывался в черное ватное небо. – И самое интересное во всем этом то, что мы боимся показать свою красоту и свои звезды, ибо в этом мире почитают пыль и грязь.

– Мне кажется, все, что существует, может вдохновить тебя, – друг приобнял меня и продолжал покуривать.

Мы так и не заметили, как пошел дождь, и промокли до нитки, но оно того стоило. Рыжий мальчик бегал и с радостью прыгал по лужам, смотря, как брызги разлетаются и пачкают его с ног до головы, но его это только забавляло. Прохожие быстрым шагом неслись, спотыкаясь, к любому укрытию, а мы наслаждались. Втроем.

– Неужели ты до сих пор не видишь его? – спросил я.

– Не-а, – кивнул мой друг, покачиваясь и поклоняясь рит-

мам дождя.

Хихиканье мальчика, как всегда, было очень звонким, а шум дождя только еще больше придавал ему некой загадочности. На секунду мне показалось, будто я слышу хорал из сотен капель, перекликающихся со смехом лихого мальчишки, а все, что находится вокруг, – на миг показалось мне храмом воды и музыки. Мой курящий собеседник словно слышал все эти лейтмотивы и склонился перед ними, трепетно ожидая, что я поступлю так же. Но я не оправдывал общих надежд, мне это было ни к чему. Они искали и нашли в этом покой, равновесие и счастье, я же нашел в этом очередной упрек моего угнетающего осознания собственной жалкости.

Пока я наблюдал всю эту картину, я и не заметил, как к нам приблизился женский силуэт.

– Снова куришь свои косяки у всех на виду? У тебя опять могут быть большие неприятности из-за этого, – сказала девушка, укрыв моего друга под зонтом.

– О, а я только о тебе подумал, – сказал мой друг и, поднявшись со скамьи, поцеловал девушку в губы.

Я повернулся и долго вглядывался в ее лицо, прикрытое головой моего друга. Знакомый голос...

Когда поцелуй закончился, она произнесла:

– И тебе привет, конченный.

Точно, вспомнил.

– Вы знакомы? – удивился я.

– Чувак, это вообще-то моя девушка. Я же тебе про нее

все время рассказываю, – ноюще-оскорбительным тоном заговорил мой гнусавый друг.

– И ты про меня с самого начала знала? – спросил я. – И, разговаривая со мной, тоже знала, кто я?

– Что ты и есть тот самый конченный, я узнала только сейчас, – закатила глаза девушка и стянула со спины маленький черный рюкзачок, придерживая зонт то в левой руке, то в правой. – На вот лучше, прочти, – и, порывшись в нем, дала мне конверт.

«В кафе „Лазурный бриз“ на улице Юных Комсомольцев требуется официант. Оплата стандартная, стаж работы не имеет значения. Возраст от 18 до 40 лет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.